

Всю одиннадцатую пятилетку света белого не видел директор совхоза Петренко за показатели по надою и привесу. А он их что, родит, эти передовые цифры? С высоких трибун звучали призывы и ценные указания, а кризис нарастал. Пять молочно-товарных отделений наличествовало в петренковском хозяйстве «Заря коммунизма», однако доили бабы руками, навоз скотники ограбили вилами и то не всегда, а если ожидалась какая-никакая проверка. А единственный в районе новейший промкомплекс, итальянский, установленный здесь лет пять назад шефским заводом, знаменитым Ворошиловградским тепловозостроительным, – был заброшен: так и не смогли лучшие тутающие инженеры и заслуженные изобретатели эту причудливость капиталистическую под ажурной стеклянной крышей ввести в строй.

Когда такой разлад увидел Валентин Семёнович, так целую минуту дышать свободно не мог. Здешние условия оказались ещё хуже, чем поначалу были на фермах в его родном колхозе «Родина». И откуда только эти сказочные богатства на прилавках в Ворошиловграде?..

Само собой, Петренко регулярно призывали в райком и привычно снимали с него самое мало три шкуры за животноводство. А когда приезжали к нему порыбачить на «Лох-Неское» озеро, после третьего стакана просили у него прощение: «Что в стране происходит?.. Непонятно... А на нас, Тарас Николаевич, не обижайся. Ты мужик правильный».

Животноводство год от года хромало в СССР. Разве от хорошей жизни в Новочеркасске люди против танков вышли в июне шестьдесят второго, когда в очередной раз подорожали мясо и молоко? То ли колхозная система неправлялась со своими задачами, то ли «развитой социализм» следовало на корню менять?.. Шило на мыло?

Был в прошлом году здесь на отдыхе земляк Петренко, взошедший от звеньевого скотника до высокого звания генерал-майора КГБ СССР. Так вот; сидели они как-то с ним рядом при удочках на озере, и Тарас Николаевич после третьего стакана самогона вдруг напрямки спросил у высокого чина: почему так происходит, что развитие села пробуксовывает? Для меня, мол, это загадка!.. Год от года всё меньше выделяют средств на развитие. «Давай, Белоус, лучше самогон пить, очень он у

тебя хорош! – сказал генерал и вздохнул. – А насчёт затронутой тобой темы... Это вредительство, товарищ Тарас... Масштабное. На всех уровнях. Руководят им, сам знаешь, из-за океана. Чтобы СССР без войны низложить. Скоро это своими глазами увидишь...»

Тарас чуть не заорал: «А вы что там, ребята, глазами моргаете? Ладно, я в селе сижу дурень-дурнем... Но ты со звёздами какими на погонах, а тоже плечами пожимаешь?! Почему допустил такое? Врага надо к ногтям!»

Генерал с досады удочку в пруд бросил: «Руки у нас повязаны. За океаном всё наперёд продумали и кого надо у нас на самом верху приласкали. Так что с высоких трибун звучат громкие посулы и ценные указания, а кризис нарастает. И вот тебе реальный пример. Скажем, в далеко не худшей Калининской области за последние двадцать лет сельское население сократилось почти вдвое!!! Идём ко дну, Тарас...»

И вот вдруг мелькнула у Петренко слабая надежда: чем-то глянулся ему этот как с неба свалившийся молодой и, как видно, упёртый в работе москаль из Никишино. По одной его резвой походке, по острому взгляду видно, что не перевелись ещё неутомимые люди, способные свой пупок жертвенно надорвать, но горы для общего дела свернуть. Только задачу им надо поставить правильно и волю дать.

В общем, когда привез Корнилов семью, они с Люсей обомлели: их ждала пятикомнатная двухэтажная квартира с «евроремонтом», как тогда говорили. С двумя просторными лоджиями, – хоть в бадминтон на них играй. Так что Люся на каждой поплакала счастливыми слезами. Никогда не думала она, что ей доведётся стать хозяйкой такого царского жилья, ещё и оборудованного по последнему слову квартирного дизайна, то есть со всеми городскими прибамбасами и фантастическими удобствами: немецкого качества гэдээрсовская многофункциональная стенка, росло раскинувшаяся впритык к трёхметровому потолку; богиня пятнадцатиметровой кухни – итальянская электрическая плита Ardesia из матово серебристой нержавейки, неподалеку – пурпурный, как тога римского императора, холодильник легендарного бренда Ariston. По особому распоряжению Петренко к новоселью его камеры щедро наполнили разной праздничной снедью из сказочных ворошиловградских гастрономов. В зале, который иначе как ковровым царством не назовешь, под хрустальной многоступенчатой искристой люстрой – знаменитый цветной воронежский «Рекорд». Само собой отдельный туалет с сияющим финским унитазом и отдельная ванная комната, выложенная чешской чёрно-белой плиткой и снаряжённая невиданной по тем временам умной стиральной машиной «Вятка-автомат». Она показалась Люсе и Валентину Семёновичу большим чудом техники, нежели знаменитый «Луноход».

Олександр, шофёр директорский, весёлый, несколько кручёный паренёк, вмиг устроил Петренко и Корнилову на берегу «Лох-Несского» озера на пёстром рушнике горилку, распрекрасный, по дедовскому рецепту козацкий ядрёный «холодец з телятини», хлеб ещё тёплый домашний белый и густо-матовое сало с нутряным розовым отсветом.

Сели; и вдруг Петренко поморщился: да так, будто зубом о зуб нечаянно зацепил:

– Как хочешь, дорогой друже, но мене животноводство задолбало! Делай тута что хочешь, носом землю рой, у Господа или чёрта подмоги вымаливай, но сделай что-нибудь, Христа ради, чтобы меня хотя бы из-за молока и мяса за энто место не дёргали в райкоме. Ведь оторвут в итоге... Неужели не справишься?

– Поглядеть будем, – тихо, но внятно сказал Валентин Семёнович.

– Спасай, парень...

– Вопросов нет, – сдержанно покивал Корнилов. – Кроме одного единого, Тарас Николаевич.

Прищурясь, Петренко медленно, вдумчиво вылил в себя добрый стаканец самогона. Подкинув вихлястый, блескучий кусмень янтарного холодца, насквозь живой линзой просвещивающего, вёртким движением азартно принял его точно в рот. Он там явно пришёлся ко двору. И вмиг, как камень в воду канул.

– Говори, парень...

– Откуда в продмагах Ворошиловграда такое изобилие на фоне голых воронежских прилавков? Между нами два часа езды!

Петренко вскинул глаза к небу, будто именно там некто мог дать ему верный ответ, размашисто написав его от горизонта до горизонта.

— Ваш старший брат о нашем младшем дюже печётся, — загадочно подмигнул он. — Чтобы нас на капиталистическую буржуйную сторону поглядывать не тянуло.

— Опа-на.., — глухо проговорил Валентин Семёнович.

— Только не все у нас это ценят, — Петренко прикрыл рот лопатой своей ладони, добавилтише тихого. — Есть такие, честно скажу, чоловики, которые уверены: без России, сами, мы рай на земле обретём! Заживем краще никуди...

— Как это?.. — потрясённо вздернулся Валентин Семёнович. — Не пойму!

— Вот и хорошо, что не поймешь, — покаянно опустил голову Петренко. — И не надо. И вообще забудь, что тебе сейчас Белоус ляпнул.

К вечеру обхехал новый врио главного зоотехника здешние фермы. Ещё раз своими глазами убедился Валентин Семёнович, что животноводство и здесь, как по всей нашей могучей, никем непобедимой, — на последнем изыхании. Развал и поруха полнейшие.

Первое, что сделал он, пережив шок от увиденного бедлама, — велел пометить коров и чистенько прибраться.

Полгода не прошло, как первый проверяющий налетел. По его суровой, надменной физиономии, когда он из своей «волжанки» враскачу выпростался, было видно его заранее приготовленное настроение: устроить разгон и показательную казнь как демонстрацию идеологически выверенной линии партии на построение развитого социализма.

Только в дверях первой же фермы глаза недоуменно выпучил: на некогда замызганной, захлебнувшейся дерьмом, — «вишитии» рушники, цветы на белоснежных подоконниках; кожаные тапочки для всех перед входом; транспортёры с навозом старательно бегут. Коровы проверяющему чуть ли не улыбаются приветливо, бодро помахивая хвостами с цветными бантиками: на них кличка каждой прописана и номер порядковый. Мух почти нет. Стаями уж точно не летают. По лбу не щёлкают. Коров не беспокоят. Вот ещё: бражного запаха силоса как бы вовсе и нет. Свежая травка-муравка все ненужные запахи своими полевыми ароматами забивает.

А был этот проверяющий не какой-нибудь человечек районного масштаба, так себе по значимости, а самый что ни на есть областной туз со свитой. Судя хотя бы по известным всем обкомовским номерам его машины и числу угодливо суетливых сопровождающих лиц.

На этот раз о появлении проверяющего Петренко не был, как водится, извещён заранее бдительными соседями. Не сработало их тревожное местное радио. Ибо первоначально маршрут проверяющего пролегал по иным местам, а потом вдруг был изменён внезапно, ибо какой-то доброхот шепнул ему, что нигде в Ворошиловградской области он не поест такого знатного холодца, как у Белоуса в совхозе «Заря коммунизма».

— А может правильнее — «Закат»? — позволил себе политически остро, почти свободомысленно выражаться знающий себе цену областной товарищ. — Лады, едем до него. Уговорили. А насчёт «заката» не дёргайтесь, товарищи. Скажу вам по секрету: в стране намечается грандиозная перестройка. Демократия и гласность скоро станут нашими новыми боевыми лозунгами.

И, поморщившись, добавил: «В прошлом году мой зам в этой «Заре» чуть было в яме с навозом не утонул. Глядите, мне!»

И вот теперь стоял он, удивлённый донельзя здешней чистотой, порядком и долженными ему рекордными надоями и привесом. Слушал доклад Петренко с таким напряженным выражением лица, словно его каким-то образом прехитренно обманывают.

Оглядевшись, сурово приступил к Корнилову:

— Ты это тут всё такое устроил?

— Всем кагалом трудились, — сдержанно проговорил Валентин Семёнович.

— К моему приезду расстарались? Чтобы пыль в глаза пустить?

— Для себя напряглись. Чтобы жить и трудиться с песней.

— Ишь, ты, какой идейный. Фамилия??

Валентин Семёнович машинально оглянулся на Тараса Николаевича: тот стоял сугубо угнувшись. Весь какой-то опасливо затаённый, наученный непредсказуемым особенностям господ проверяющих.

— Корнилов, — тихо сказал. — Временно исполняющий обязанности главного зоотехника совхоза.

Проверяющий тотчас в нос Валентину Семёновичу кукиш ввернул и оглушительно объявил с номенклатурной высочайшей весёлостью:

— Врио?.. Что-то не ценят здесь тебя, парень! Такого молодца я у Белоуса мигом заберу! С сегодняшнего дня ты главный зоотехник всего района! Собирай вещички. Поедешь со мной принимать новую должность!

Всё это время, ожидая чего угодно, Тарас Николаевич бдительно молчал. Но когда насчет «вещичек» прозвучало, так он в коленях просел.

Петренко тут же велел Олександру живо принести бумагу и на его широкой, как подоконник, спине быстро, взволнованно написал приказ, избавляющий Корнилова от унизительной клички «врио».

Это, кажется, усмирило проверяющего.

По дороге к «Лох-Несскому» озеру он строго напутствовал Петренко:

— Ты, Тарас, своему зоотехнику не завидуй и возможности предоставь ему безграничные. Кадр, вижу, ценный. Считай, тебе созвездие. Иначе бы мы тебя следующей весной турнули.

Петренко забавно развел конопатыми, в рыжей волосне атаманскими ручищами и улыбнулся, но как-то странно, словно одной половиной лица:

— Налякав йжака голым задом, — проговорил он, степенно огладив свои чёрно-белые мастиные усы.

— Что-что? — поморщился проверяющий. — Ты по-человечески говори!

— Испугал ежа голым задом, — шепнул ему в спину доброжелатель из свиты со столь горячим приыханием, что у проверяющего щекотно потеплело между лопаток.

Все напряглись. Но товарищу из Ворошиловграда поговорка неожиданно понравилась. Он хотнул, потом ещё раз... И хозяйски объявил, что пора бы им знаменитый холодец от Петренко заценить с пристрастием.

Для этого влёт обустроили, чем полагается, славный стол на бережку романтического «Лох-Несского» озера. И даже выставили за гостевыми креслами «спивати» весь корниловский животноводческий коллектив, все двести восемьдесят человек самого что ни на есть многонационального множества: русские, поляки, татары, немцы, казахи, таджики и один непонятно какими ветрами сюда занесённый африканец из Конго Мабиала Малела Чанцеллин. Местных было лишь двое. Но жили и трудились все душа в душу. Каждый вечер после работы — знатная гулянка: день рождения и прочее всякое раздольное событие. «Интернационалом» этой коровье-телячьей республики была, несмотря на различия в родном языке, всеми до визга любимая украинська «плясовая-хороводная»:

Ты казала, в понэдилок пидэм разом по барвинок,
Я пришов — тэбэ нэма, пидманула, пидвэла.
Ты ж мэн пидманула, ты ж мэн пидвэла,
Ты ж мэн молодого з ума розума звэла!

Итак, возможности Валентину Семёновичу, наконец, дали те самые, безграничные, но на их исполнение средства в совхозной кассе не имелось никаких.

Но только не догадывались ни проверяющий из Ворошиловграда, ни сам козак-богатир Петренко, что Корниловы никогда и ни при каких обстоятельствах задний ход не дают и на колени не падают перед жизненными испытаниями. Поэтому их отец и вернулся с фронта, несмотря на то, что осколками был так продырявлен, хоть насквозь через него смотри.

Этой же ночью приснилось Валентину Семёновичу, что ему надо, не откладывая, ехать в Ворошиловград и незамедлительно налаживать контакты с директорами тамошних больших заводов и прочих известных предприятий. А число их там немалое, — тот же тепловозостроительный, авиационно-ремонтный, потом в одной линии по значимости литейно-механический, патронный, коленвалов... И везде передовой рабочий класс, включая трудовую интеллигенцию, есть хочет. Большинство так даже три раза в день, не менее. А тут как раз приспел час, что стали тамошнему народу по распоряжению свыше землю по шесть соток давать в пригороде под дачи-огороды. Но там, как известно, почти везде почва неважная, мергель. В общем, запашистый коровяк им будет позарез нужен. А к кому за таким знатным добром «бечь»? Да чтобы он годок-другой был вылежавшийся, как следует перезревший? К зоотехнику, товарищи дорогие. Только так и не иначе, если не хотите свои садово-огородные мечты на корню пожечь всякой разной навозной скороспелкой или той же химией.

«А ты чего щёки жуёшь и время теряешь?» – вот так прямо и приснилось Корнилову с укором. Мол, иди и действуй, мужик. Договорись по цене. Не жадничай. И всё будет рядышком.

Прямо кто-то из мути сна так ему и повелел. Почти слово в слово. Голос вроде отцов был. По крайней мере, суровые интонации – точно его. Поди, не узнай их!

Так и наладилось. Корнилов заводским отгружает естественные удобрения, способствуя этим радующей чистоте на фермах, трактор с плугом или бороной посыпает заводчанам на их белёсые огороды. Но и себя не забывает: уже не кланяясь в пояс, обращается на городские предприятия выписывать в совхоз стройматериалы, рабсилу и знающих специалистов по части электрики, транспорта. Много чего разного.

Ещё начал по заводам, с которыми отношения категорически наладил, поставлять по вполне приемлемым ценам совхозные овощи, мясо и молоко, когда купили специальную голландскую цистерну-холодильник.

Пошли, пошли живые деньги...

Надо бы ещё расширяться...

И тогда приспел час итальянского промкомплекса на 800 голов дойного стада, начинённый последними достижениями западного молокопрома. Если его дельно собрать, так он превратится в полностью механизированную мечту всякого зоотехника с конечным результатом на молочный «тетрапак». Вся беда состояла в том, что лет десять назад, когда этот промкомплекс привезли из Италии, такничоже сумняшееся тотчас и дерзнули ударно монтировать своими силами. Итальянских инженеров и механиков вежливо, но гордо завернули. Мол, мы в Космос запросто летаем! По Луне катаемся и восьмёрки на тамошней пыли вырисовываем в честь Международного праздника солидарности трудящихся женщин в борьбе против акул империализма. В общем, не учли тольяттинский опыт, когда на Волжском автозаводе, мы, откинув смирение паче гордости, базовый Fiat 124 довели до нужной российской кондиции рука об руку с итальянцами. До сих пор те первые «Жигули» лучшими считаются. В общем, ума не дав, дерзко, сами с усами, сикось-накось, смонтировали в своё время в «Заре коммунизма» оборудование итальянского промкомплекса. И благополучно утопили своих коровок в его гигантских бункерах подпольных навозохранилищ, а насосы доильных аппаратов умудрились какие заклинить, какие вовсе пожечь. Все дальнейшие попытки что-то отладить и запустить-таки успешно провалились. Никто в итальянских чертежах не мог определиться, взять в толк, откуда ноги растут у этой конструкции будущего под гигантским стеклянным куполом. Из Ворошиловградского университета привозили достойных, именитых профессоров, но и те разобрались лишь в секретах петренковского янтарного холода и его исключительно радостного самогона. Не более того.

И что же? Молнии засверкали на бюро Ворошиловградского обкома КПСС? Чьи-то головы полетели из-за провала с промкомплексом, секир-башка налево и направо? Ничего подобного. Никаких суровых оргвыводов. Решили об этом казусе благополучно забыть. Спустить на тормозах. Область на такой прогресс по-итальянски свои кровные не тратила? Не тратила. А район? Ни копеечки. Значит, лучше всё это на корню забыть и навесить мордатые замки на двери несостоявшегося передового промкомплекса. Правда, и это сделали не сразу. Оставили поначалу настежь распахнутым. Но воровства никакого не наблюдалось: местные боялись утонуть в тамошнем навозе вслед за коровками. Да ещё пугала всех раскидистая стеклянная крыша промкомплекса, словно вобравшая в себя всё сияющее червлёной синевой небо. Оно с печальным укором глядело на всяк туда нечаянно забредшего. Даже в пасмурную погоду. Эдакий Глаз Все видящий...

...Когда Корнилов пришел в совхоз, так поначалу ни до какого отделения нормальных дорог не было. Родную «копейку» топить в грязи он пожалел. Но надо же на чем-то рулить? Ногами не находишься.

Тарас Николаевич позвонил в райсельхозтехнику, договорился. И объявил Валентину Семёновичу: «Идь к ним, возьми себе тракторок. Выбери, какой краще. Только – колёсный. Чтобы с кабинкой».

Приехал Корнилов на место, объяснил директору «Сельхозтехники», что нужно.

– Желательно, какой поменьше. Мне на нем не пахать.

– Ну, вон тот бери, – махнул директор в сторону рядом сиротливо стоявших разнокалиберных тракторов. Некоторые уже начали кудрявиться бархатной ржавчиной. – Рекомендую Т-25. Вертикай, кабина с отопителем. Утопнет выше крыши, но всё равно выкарабкается. И прицеп нагруженный вытащит!

– Вот спасибо. Как оформлять? – благодарно проговорил Корнилов.

Директор чуть ли не растерянно отмахнулся:

– Да бери так, чего бумагу зазря марать? Гляди, сколько техники стоит у меня. И никому не нужна! Шлют и шлют сверху, не спрашивая что, к чему и во имя чего! Ума палата, а ключ потерян...

Начал Корнилов на Т-25 выруливать: с непривычки – скачками, рыская. Давненько за руль такого агрегата не садился. Наверное, с того времени ещё, когда при отце на комбайне помощником работал. Степь да степь кругом! А тут осторожно надо. Заборы вокруг. Вон за спиной склад с разъяленными настежь воротами – того и гляди вломишься туда задним ходом непрошенным гостем...

«Кстати, что в нём в таком множестве вразброс бесхозяйственно лежит? – машинально прицепился взглядом Корнилов через зеркало. – Ох, чую что-то сугубо по моей части...»

Бдительно соскочил.

На складе, местами под самую крышу, валялись, там и сям, ящики с реальными доильными агрегатами. На этикетках знаменитая маркировка – «Даугава-100»! Видно, что никто ими ещё не пользовался. Как видно прямо с завода они тут оказались. По тому времени это было не просто современное, передовое оборудование, а фантастика, одним словом, – полностью механизированные. Заветная мечта зоотехника, если он только не для «корочки» учился. Дефицитнейшие дойки: каждая установка на 100 коровок!

Выдохнул тяжело Корнилов.

– Братцы, – откашлялся. – Это оборудование выписать можно или оно уже кому-то всё подчистую назначено?

Едва зубами не скрипнул, ожидая задержавшийся ответ.

– Выписать?.. – дурковато глянул на него кладовщик: ресницы были у него какие-то клоунские, махрово-белые от муки.

– Ну, да, – нервно вздрогнулся Валентин Семёнович. – Кому подать заявку на «Даугаву»? С меня магарыч...

– Даугава... Что, Даугава? Какая такая Даугава? Вот эта, в ящиках?

– Эта, эта...

– Понавозили, а никто их на хрен не берет, никому не нужно!!! Никому ничего не нужно, мать вашу! Дожились!..

– Значит, я могу сейчас, куда Вы мне скажете, пойти и выписать столько аппаратов, сколько надо?

– усиленно вежливо, внятно проговорил Валентин Семёнович.

– Нет, не можешь! – вдруг строже строгого победоносно постановил кладовщик.

– Как это не могу?.. – чуть ли не всхрапнул Корнилов. Как конь, незаслуженно больно пришпоренный. Только ногами не затопал – таким «танцем» у Корниловых в роду было принято вышибать досаду.

– Да так! И перетакивать не будем! – верховным судьёй объявил кладовщик.

По всему было понятно, что сейчас наступает критический момент этого диалога:

– Могу-не могу, через ногу! Как ты, дядя, их выпишешь, если они у нас не числятся?!

Кладовщик насмешливо вздохнул:

– Мы эти хреновы «Даугавы» ещё два года назад посыпывали! Они оказались никому не нужны. Валялись, работать нам мешали. Приезжай и забери все к этой матери! Ещё и магар тебе от нас будет простилен за расчистку складского помещения. Вместе и разопьём.

«Хаос поглощает мир, – тупо подумал Корнилов. – Chaos engulfs mundi» .

В классической латыни такого выражения, кажется, не было. Ни у Цицерона, ни у Цезаря, ни у Катулла, ни у Лукреция... Ни у кого. Однако сложилось неплохо?

Самый момент был, чтобы пасть на колени. И что? Воздать Богу молитву? Прокричать «Слава КПСС!»? Или расплакаться от счастья?!

Как бы там ни было – ноги у Корнилова как есть подкосились. Казалось, ещё минута – и разлетится мужик на составные части, словно на атомы.

Знаменитой «Даугавы-100» было на складе, самое малое, на три больших совхоза. В общем, для восстановления итальянского чуда вполне достаточно. Ещё и на запчасти кое-что останется.

Назавтра Петренко дал своему главному зоотехнику два КаМАЗа с прицепами, кран и грузчиков: за четыре дня Корнилов это складское «даугавское» богатство подчистую вывез. Чуть ли не целовал

все ящики подряд при погрузке: цели-целёхоньки, под свинцовыми пломбами. А внутри, братцы кролики, наисовременнейшие молокопроводы, насосы, фильтрация... Умеют делать прибалты! Не только «Спидолу»...

Перевезли бережно, с подстраховкой. Разложили на совхозном складе ровными рядами: и оприходовали всё до последнего винтика как положено, то есть необходимые документы исправно, ответственно составили. Сдали надлежаще под охрану. Самого малопьющего сторожа приставили.

Валентин Семёнович первое время, случалось, даже среди ночи и под утро приходил в любую погоду убедиться: на месте ли его счастливое обретение, не тронуты ли замки, опечатанные им самолично? Сторож сторожем, а так как-то спокойней.

10

Перекрестясь, начал Корнилов реконструкцию итальянского промкомплекса. Сам внёс изменения в проект, чтобы выправить его именно под «Даугаву». Месяц рисовал чертежи, да так чётко, пространственно ёмко, – хотя управлялся безо всяких инженерных кульманов, рейсфедеров, рейшин и кронциркулей. Словно подобным культурным исполнением желал сам себе доказать, что не только коровам хвосты крутить умеет.

За два года управились. Умно организовали двухсменный режим для доярок. Так что перестали, горемычные, каждый день со слезами вставать в три утра. До обеда поработала, – ступай домой, трудись там бабой. Надои столь ощутимо пошли вверх, что соседние директора совхозов чуть ли не перестали здороваться с Петренко.

А тут забаламутилась какая-никакая перестройка. Никто толком не знал, с какого боку к ней подступиться, как её запрягать и как на ней ехать. ЦК КПСС торжественно провозгласил курс на «совершенствование хозяйственного механизма». Точно раньше по недоумию его норовили развалить. В общем, наверху, помолясь, взялись внедрять в массы полный хозрасчет. Но как всегда, где надо и где не надо. Само собой, и там даже, где ну никак нельзя с ним соваться.

Валентин Семёнович в связи со всем этим глубинно задумался. А что если?.. Вдруг именно у него такое новшество вполне умно сладится?

Зачастил в районную библиотеку, листал напряженно разные экономические книги... Пока твердо не понял: не его тема. А вон у них в совхозе толковый главный экономист, до сих пор явно недооцененный, – Вениамин Израилевич Явроська. Внешне несколько как бы странный: голова маленькая, чуть ли не с кулачок, и лысая, посему похожая на голый локоть. Никогда не женился. Зато мама его, Софья Львовна, директор здешнего детского садика, за ним неотступно во всём доглядывает как за «дитём малым». А ему ничего более и не надо. Только чтобы чай грузинский чёрный всегда имелся под рукой, сосательная конфетка и на столе рядышком шахматы, – в которых половина фигур заменена бочонками от маминого лото. И играл он всегда сам с собой. Вернее, не играл, а до дрожи в пальцах увлекался решением шахматных задач. Трехходовками исключительно.

Так вот помозговали они на пару конкретно, с упором, просидев пару ночей за чаем, да трижды вусмерть переругавшись, но так-таки рискнули: всё животноводство в «Заре коммунизма» добились перевести на хозрасчёт. По особой концепции Вениамина просчитали закупочные цены и прочие детали арендного подряда.

Сверху такую инициативу осторожно, почти нехотя, но поддержали, так как нельзя было никак воспротивиться – она на тот момент во всём совпадала с генеральной линией партии.

Итак, отдали Корнилову землю, технику. Он создал собственный тракторный отряд. Заключил нужные договора. Обзавёлся дельным бригадиром, дальновидным агрономом, шустрым замом по кормам и производству. А для себя придумал звучную должность – начальник цеха. Как в городе на заводе. Только цех его был коровячий.

Теперь народ у Корнилова стал получать зарплату по объёму конечного продукта: от привеса, от молочного литражка, от сохранности молодняка и так далее.

Результат не заставил себя ждать. Минималка доярок в разы подскочила – нате вам, любезные 350-400 рубликов за месяц. Столько, сколько выходит у заведующего отделом Ворошиловоградского обкома КПСС! А механизаторы отныне у Валентина Семёновича меньше 500 не опускались. Корнилов теперь каждый день, каждую минуту радовался: экое у него составилось хорошее маточное стадо, молодняк... 100 телят на 100 коров – и 98 голов сохранность. В общем, пошел молодняк –

девать некуда! Каждый год! Коров много. Корма достаточно. 3-4 укоса люцерны орошаемой за лето поделали. Всё идеально. А когда он только пришёл, стыдно вспомнить, – ездили корма покупать по всей Украине. И какие? Да солому!.. Слежавшуюся! А то и вовсе гнилую. Прямо с крыш старых сарайчиков.

Прибыль объявила такая, что только успевай на счетах костяшки с выщелком перекидывать. На каждой ферме у Корнилова автобусы. Пешком на работу никто больше не ходит: с дома взяли, домой привезли.

Ныне Корнилов мог бросить совхоз, уехать, положим, отдохнуть в тот же Крым или Юрмалу, но всегда в полном душевном спокойствии и стойкой непреложной уверенности: если что случится во время его отсутствия с техникой, коровами, кормом и так далее – никто из работников не отправится разгильдяйски домой, – будут его мужики и бабы сутки напролёт выправлять ситуацию, да так, что дым коромыслом. Только бы скотине никакого ущерба не случилось, чтобы животина голодной да недоенной не осталась. И ещё говорящий факт: ранее доярки втихаря, а некоторые открыто, таскали с полей всякий там корм домой, на подворье, а сейчас настроились нести его в обратном направлении – от себя на ферму своим здешним коровкам!!! Чтобы молока надоить от них поболе! Каждая так старалась. Одна перед другой. Было ради чего, впервые – было.

В итоге на удивление всем вывел Валентин Семёнович совхоз «Заря коммунизма» на третье место в области по надоям и привесу. Вот тогда и ринулось к нему телевидение да газетчики. Из Киева, из Москвы. Были итальянцы. И вострубили! Показатели-то идеальные. А сам Корнилов – эдакий Гагарин трудового фронта: взгляд умный, добрый, а в тонких напряженных губах затаилась строгая улыбка.

Жить и верить – это замечательно.
Перед нами – небывалые пути:
Утверждают космонавты и мечтатели,
Что на Марсе будут яблони цвести.

В Ворошиловградском обкоме достижения Корнилова удовлетворённо заценили: была дана отмашка на представление Валентина Семёновича к государственной награде – ордену Трудовой Славы какой-то там степени. Ясен пень, конечно же, первой!

11

Один день перевернул всё... Суббота 26 апреля того самого 1986-го... Когда леса вокруг совхоза «Заря коммунизма» за ночь ржавчиной пробило. Такая вот, вычеркнув лето из календаря, досрочно наступила посреди весны в Украине, России и более всего в Белоруссии радиоактивная Чернобыльская «осень».

В те дни Валентин Семёнович бдительно доглядывал, чтобы Люся и Эдик не высовывались лишний раз на улицу и окна в доме не растворяли, ничего с базара не ели, а только то, что в подвале у них стояло с прошлого лета приготовленное или с позапрошлого. Люся одних помидоров к зиме по двести банок закручивала, не менее – алого сочного лече и огненной аджики со сливами; два, не менее, дубовых бочонка чёрных груздей, которые Эдька, с малолетства настырный любитель биологии и всякой живности, ехидно называл «электрическими скатами»; а рядом ещё два стояли с квашеной пенистой капустой да антоновскими яблоками, уже напитавшимися золотисто-шафрановым оттенком, – потому что были они аккуратно переложены свежей духовитой ржаной соломкой, ошпаренной крутым кипятком, а саму бочковую тару Валентин Семёнович изнутри старательно окурил серой, края её смазал янтарно-тёмным духмяным подсолнечным маслом.

А кто из соседей по привычке на рынок «дуром» таскался да с полей совхозных тянул по старой привычке что ни попало, те через одного теперь с инвалидной группой. Некоторые так и вовсе на погoste. Наверху насчёт взрыва всё упёрто, тупо скрывали: мол, никакой такой радиации нет и в помине. Это так, болтология. Западная провокация. И люди верили. Поначалу. Пока не пошли из Чернобыля цинковые гробы с ликвидаторами, двойные, – потому что в них ещё был второй, деревянный, с телом, ясное дело, радиоактивным. На всякий случай ещё и запаянный в особо прочной пленке. Тем не менее, находились люди, которые уверяли, будто по ночам могилы ликвидаторов светятся, но это, конечно, трёп.

– Настоящий конец света! – возмущались все вокруг. – А кто виноват? Кто убийцы?

И были такие, кто, скав челюсти, смотрели, строго прищурясь, в сторону России...

Тут ещё слух прошёл, будто за несколько дней до взрыва приехавшие из «москальских» краёв на Чернобыльскую АЭС учёные дяденьки и тётишки организовали по своей тяге ко всемуциальному, запредельному презабавный капустник. Переоделись в разных там озорных ведьм на помеле, забавных весёлых кикимор, чертей-плясунов болотных, зелёных, чертей лысых пузатых и вооружились плакатами «Чёрт с нами!», «Без греха не вынешь рыбку из пруда», «Не согрешишь – не покаешься». Как полагается, открыл этот праздничный парад какой-то их важный академик, объявленный самым главным директором преисподней. Его, полуголого, рогатого, мелкие бесенята пронесли вокруг того самого злосчастного четвёртого блока со счастливыми воплями: «Идёт нечистая сила, она сажает чёртово семя в хорошо удобренную почву!»

В общем, на радиоактивном фоне Чернобыля наградное дело Корнилова где-то упёрто застяло. Большие нади молока со стронцием, цезием и радиоактивным йодом уже никого наверху не вдохновляли...

И вот оно, первое декабря 91-го... Под звон ещё не умолкнувших дозиметров, – то самое всенародное праздничное голосование по незалежности. В совхозе «Заря коммунизма» по давней традиции с музыками и добрым самогоном. Голосовать шли семьями, целыми улицами. Кое-кто лозунги несли: «Нам без России не быть! Мы один народ! Нельзя нам врозь!»

Никого за язык не тянули. Люди пели и плясали от торжествующего в них чувства кровного единства, а в урну... закатывали «чёрные шары».

К обеду уже за семьдесят процентов набежало «за» незалежность Украины.

Под вечер до девяносто дошли.

И вот, наконец, наступала минута Валентину Семёновичу совместно с замом и секретарем собираться в дорогу, чтобы оперативно доставить завершённые протоколы в территориальную комиссию, включая опечатанные урны.

А он как в пол вмэрз. И в голове, словно на сквозняке, судорожно трепещет: «Я ОТНЫНЕ В ЧУЖОЙ СТРАНЕ!!! В ЧУЖОЙ СТРАНЕ!!! В ЧУЖОЙ СТРАНЕ!!!»...

И тогда его заместитель Олександр, шофёр директорский, и сказал, прокашлявшись, глаза не поднимая:

– Что делать станем с таким всенародным волеизъявлением, Валентин Семёнович?

Корнилов нервно пожал плечами, точно судорога его пробила.

А тот ему снова:

– Мы же с вами люди партийные...

Тут несколько густота вернулась в голос Валентина Семёновича, набухла в горле:

– Партийные?.. Были да сплыли. Наша руководящая и направляющая партия приказала долго жить. Тебе, мне, всем нам документы вернули на руки? Вернули. Кстати, ты свои сжёг?

– Нет пока.

– Вот и я. И не сожгу. Но в любом случае я сейчас никакой подлог не допущу. Не нам с тобой перекраивать историю народов...

Он вдруг пошатнулся.

То самое с ним началось. Вроде как опять нервный срыв. Хотя, честно говоря, Валентин Семёнович ни тогда, ни сейчас так и не понял, что же с ним на самом деле произошло в тот поздний вечер на избирательном участке.

Вдруг кто-то наклонился к нему, словно сказать что-то хотел на ухо. А это отец оказался. Как есть батя стоял перед ним; только молодой, каким на фронт уходил, и, само собой, с обеими руками-ногами. В белом костюме, в белоснежных парусиновых туфлях, пахнущих мятым зубным порошком, каким в тридцатые-пятидесятые годы эту обувку припудривали для «шика». Прямо-таки артист. Из кинофильма «Весёлые ребята». Таким красивым и счастливым отца Корнилов никогда не видел.

– Батя?.. – сперто проговорил Валентин Семёнович: губы как анестезией прихватило. – Ты откуда тут?..

– Тс-с-с, – шепнул Семён Ильич. – Тебе надо немедленно уходить. В Россию. Вместе с семьёй. Тут такое скоро начнётся. Не приведи, Господи. Тикай, сынок... Я помогу. Отвлеку их.

– А ты, батя?

– За меня не боись! Я такую войну прошёл!

Семён Ильич вдруг с яростной усмешкой оторвал у себя правую руку по самое плечо и стал грозно размахивать ею над головой, точно окровавленной кувалдой:

— С дороги!!! Расступись!!!

«Что за бред сивой кобылы?.. — тревожно подумал Валентин Семёнович и чуть не заплакал от досады.

Вдруг на пути у них стал, меланхолично улыбаясь, аккуратно пьяный милиционер сержант Дорошенко, имени которого никто не запомнил.

— Пока документы не опечатаете, выходить никак нельзя, товарищ председатель участковой комиссии, — вяло сказал Дорошенко, выпятив грудь.

— Конечно, конечно. Молодец, боец! Бдишь! — хмыкнул Валентин Семёнович и вдруг попросил у него сигарету.

— Так Вы же не курите, товарищ Корнилов! — гыкнул Дорошенко.

— Неужели? А что если начать?.. — весело поморщился Валентин Семёнович.

— Хватит ля-ля! — толкнул его отец. — Каждая минута на счету!

Они сунулись к окнам, но там ржавые решётки, празднично увитые синими и жёлтыми лентами цветов нового флага Украины. На подоконниках — тарелки с едой, бутылки. Из одной, опрокинутой, почему-то льётся не вино, а будто самая настоящая кровь.

Они заметались, пытаясь найти лом или пожарный багор: решётки рвать.

— Жаль, гранаты нет! — поморщился батя, и вдруг зычно, по-командирски скомандовал. — Примкнуть штыки!!!

Только какие? Для чего?..

Милиционер Дорошенко бдительно вызвал «скорую»...

...В наблюдательной палате психиатрической больницы общение Валентина Семёновича с отцом продолжалось недолго: аминазиновые уколы действуют жёстко.

Из «дурки» его выписали через две недели, не найдя никакой стойкой патологии и опять списав происшествие на некий экстремальный невроз.

С первых шагов по улице Корнилов заметил, что всё вокруг как-то не так стало выглядеть. Вроде улицы те же. И зима как зима в Ворошиловграде, уже опять переименованном в Луганск: лёгкий морозец, скользота, хвостатая позёмка выписывает выкрутасы... Только вот оно! На стенах домов там и вон там, на заборах, кое-где на асфальте невесть откуда взявшиеся странные лозунги: «Кляты москали за триста лет усе сало зыли! Гэть вже отсюда. Тикайте!» А прохожие на это глядят весело, чуть ли не счастливо, озарённо, а кто-то и вовсе норовит своё особое крутое словцо к этим писулькам приплюсовывать. На глазах у Валентина Семёновича пацан лет двенадцати азартно, крошащимся мелом, метровыми буквами начертал на порожках продмага самыми что ни на есть русскими словами: «Москалей на ножи!»

Пришёл Эдька со школы: «Пап, так и так, у нас какие-то дядьки появились, себя называют «бандеровцы», и строем по школе по коридорам ходят, и речёвки кричат: «Москаляку на гилляку!» Гилляка, это что?

— То ли ветка... То ли сук, — невнятно проговорил Валентин Семёнович, мельком взволнованно вспомнив пророческое явление отца на избирательном участке.

Очереди, кстати, появились в Луганске. Нет, не за сыропечёной колбасой или бананами, а украинское гражданство получать. Такое распоряжение поступило, чтобы всем исполнить эту историческую перемену, не откладывая.

Николай с Ленкой среди первых всё оформили.

С того дня младший непонимающие глядел на Валентина Семёновича, так как тот вовсе не пошевелился определиться в этом государственной масштабности вопросе и себя позиционно не определил перед новой властью.

Потом Николай глядел на брата недоумённо. Далее — настороженно, и, наконец, — робко-насмешливо.

— Упустишь момент, — решился однажды подать голос.

— Да пошел ты, засранец! — уныло огрызнулся Валентин Семёнович, но тотчас торопливо обнял Николая. — Прости, Колюха... Я никак в эти события толком не въеду. Не врублюсь, понятно? А тебе рекомендую меньше пить. От тебя какой день за три версты несёт перегаром.

– На радостях, брат… Родину вторую обрёл, – скрипнул зубами Николай и попросил денег на чекушку.

– Нет здесь такого слова, – поджал губы Валентин Семёнович.

– А какое есть? – хмыкнул Николай.

– Чвертка.

– Ух ты! Во… Как отвертка. Нет, не выговорю…

Валентин Семёнович ещё раз обнял его. Денег дал на десять «чверток». Они оба всхлипнули, жёстко стиснув крепкие корниловские челюсти и отвернув свои мокрые рожи друг от друга.

С Петренко, как вышел Валентин Семёнович из больницы, они долго не виделись. Не то, чтобы избегали друг друга. Корнилов и на этот раз по распоряжению врачей две недели одиноко лежал в тёмной комнате: ни с кем не общался, не читал и телевизор не смотрел. Упёрто. Демонстративно. Как обидевшись на весь белый свет и иные оттенки его цветов.

Олександр, шофер Тараса Николаевича, как-то днями заскочил: мёд передал от Петренко целебный, блескучей смолистой тягучести, и, естественно, – добрый шмат сияющего сочной млечной белизной знатного сала, пирог домашний яблочный в рушнике, чтобы тепло печи сохранить в нём, и, как дар богов, – миску крутого петренковского холодца, запаянного матовым жирком, похожим на первый ледок.

А с самим директором Корнилов встретился, когда первый день вышел на работу. Тарас Николаевич сдержанно спросил его о здоровье, но, ещё не дослушав ответ, непривычным, отчуждённым голосом объявил, чтобы Корнилов вопрос о гражданстве решил незамедлительно.

– Без украинского паспорта ты работать у меня не будешь. Как бы я того ни хотел. И вот что ещё: осваивай «українську мову». Но я тебе не помощник. Сам в ней толком ни в зуб ногой.

Одни коровы встретили своего начальника задорной пляской хвостов, и надои у них в тот день оказались рекордные.

То, что без мовы теперь шагу не ступить, Валентин Семёнович вскоре очень даже почувствовал. Сверху распорядились все отчёты перевести на украинский язык. Он на нём с грехом пополам уже и говорить мог, и петь, но техническая документация, бухгалтерская – это было явно не по силам. Даже учителям. А толковый переводчик на весь район – один.

Корнилов раз отчёт не смог сдать вовремя, два… Ему выговор за выговором. По итогам года вместо привычных наград и премий – предупреждение о неполном служебном соответствии. Хотя коровы молока меньше давать не стали.

Петренко на это только руками разводит, отворачивается, сопит.

– Я заявление об увольнении подал, – наконец объявил ему Валентин Семёнович.

– Правильно, – нахмурился директор. – У меня уже терпение стало лопаться. Сверху насчёт тебя такое давление пошло…

– Теперь квартиру у нас отнимете? – побледнел Корнилов.

Петренко положил ему на плечи свои «важки козацьки руки» и только что не обнял Валентина Семёновича.

– Я такого не допущу… Только через мой труп.

– Куда же мне теперь податься? – поморщился Корнилов.

– А ты попробуй в фермеры…

И поехал Валентин Семёнович в Ворошиловград, вернее, теперь Луганск; к тому мужику, который когда-то заезжал к ним на ферму в качестве проверяющего, и с чьей лёгкой руки он стал полноправным главным зоотехником совхоза «Заря коммунизма».

Принял он Валентина Семёновича в своем высоком кабинете несколько растерянно. Может быть, поэтому и присесть не предложил.

– Привет, привет, дорогой товарищ… Что-то ты бледно выглядишь, Корнилов? Про глюки твои прослышен. Береги здоровье. С чем пожаловал?

– Хочу заняться фермерством, – судорожно проговорил тот. – Прошу посодействовать в выделении участка. По возможности, не самой бросовой земли.

– Ты гражданство Украины не принял…

– Не принял...
– Добрых людей не послушал...
– Не послушал.
– И земли тогда, дорогой, у нас для тебя – нет! Только, в случае чего, два квадратных метра причитается. Тех самых, гробовых.

Корнилов растерянно почувствовал: сердце заполошно забилось, затормошилось... Неужели опять замаячил тот самый нервный срыв?..

– Что язык проглотил?.. – смурно вздохнул хозяин кабинета.
– Я понял, что делать мне тут больше нечего.
– Скатертью дорожка, – поморщился тот.

И вдруг, уже в спину Корнилову, тихо, потерянно проговорил:

– Прости, Валя... Вокруг такое происходит... Впору стреляться!

Из администрации Корнилов вышел с зубной болью. Самой настоящей. Во рту тридцать два раскалённых фонтанчика, бьющих в мозг. В одну точку. Слепяще. Валентин Семёнович как в горячечном тумане, чуть ли не на ощупь разыскал ближайшую стоматологическую поликлинику. Прижалвшись плечом к стене, отстоял очередь в регистратуру. Со злосчастной физиономией неуклюже сунул в окошко паспорт.

– Вы – русский?.. – раздался девичий голос: с одной стороны – звончатель, игривый, таким только в любви признаваться, но сейчас в нём поверх лиричности отчётливо звучала настороженность. Словно перед ней был ни мало ни много особо заразный человек.

Она своё окошко бдительно прикрыла, и начала с кем-то тревожно советоваться.

Что-то в нём судорожно натянулось: тетива невидимая, о существовании которой он до сих пор не догадывался. От горла до паха. В мозгах такое ощущение, точно кто-то их черпаком размешивает. Как кашу в горшке.

– Возьмите талон! Прием начнется через час, – вздохнула регистратор так, словно гору с плеч снимала, избавляясь от этого пациента.

– У меня острыя боли... Раньше нельзя? – сипло всхрипнул Валентин Семёнович.

– Тут тоби не богадильня! Не затримуй людей! Котися до этой матери! – активно оживилась у него за спиной стомлённая и тоже далеко не здоровая очередь.

– Гражданин, не скандальте, – глухо, напряжённо процедила регистратор. – Что вас не устраивает?

– Меня все, девушка, не устраивает! – нервно объявили Корнилов. – А зубы у меня уже прошли. Представляете? Чудеса, да и только! Сами собой.

Боли действительно не было. Как сгинула. Словно кто-то свыше её погасил.

– Что вы за люди такие – русские?.. С вывертом дурацким! Неспроста все вас так ненавидят! – в сердцах крикнула регистратор вслед Корнилову.

Он, было, хотел вернуться и рассказать ей одну историю на эту тему «вывернутости» его народа, но почему-то сдержался. Показалось ему, что может не выдержать и ненужную тут и сейчас слезу пустить...

...В голодном сорок шестом, когда Валентин Семёнович только родился, матушка на перекладных несколько раз ездила в Воронеж продавать на барахолке кое-какие отцовские вещи, теперь ему из-за инвалидности никак не нужные. Так вот она, бывало, вспоминала, как там зимой вели по заснеженной, выюжной воронежской улице понурую толпу пленных немцев. Дома строили они в разбитом войной городе. Все в драных бабских платках поверх шапок, некоторые плелись в лаптях... А полуголодные воронежские женщины и детишки вылезали им навстречу из своих подвалов, землянок и совали в обмёрзшие руки фрицев свой последний хлеб, картошку печёную, кому так и самокрутки с самосадом, потому что немец никак не мог взять в толк как сворачивать из газеты «козью ножку».

Дома, ещё в дверях, Валентин Семёнович крикнул Люсе и Эдику каким-то странно визгливым, сбившимся голосом:

– Всё, братцы-кролики! Уезжаем отсель! Немедленно. Взд!

– Ура-а-а! – вскинулся Эдька.

– Хватит, пожили на чужбине, – зачем-то обнюхав кулак, рыкнул Валентин Семёнович. – Пора честь знать. Дома и солома едома!

И вдруг как-то нарочито весело и одновременно грозно запел, глядя в потолок, словно читал там нужные ему слова:

— Прощайте скалистые горы,

На подвиг Отчизна зовёт!

Мы вышли в открытое море,

В суровый и дальний поход...

И завершил на задыхе, переиначив на свой лад последние слова песни:

— Но радостно встретит героев

Родимая наша земля!

— Я, Валечка, никуда отсюда ехать не хочу, — вдруг напряжённо, закрыв лицо руками, проговорила Люся.

— Не понял, — шалько усмехнулся Валентин Семёнович.

— Я, наверное, здесь останусь... Миленькие мои... Хотя бы на первое время. Пока ты на ноги станешь. Такой тут дом-дворец, такой сад... Скотинка. Не брошу я всё это на разор! Что ты заспешил?..

— Ты что, не врубилась?.. Мы тут ЧУЖИЕ!!! — ярко побледнел Корнилов, подбородок вскинулся.

Люся перед ним на колени рухнула, слезы по полу раскидала.

— Обменяем наши паспорта на украинские — и никаких проблем!

— Люся! Что ты гуторишь! — топнул ногой Валентин Семёнович, отвернулся к окну, и заплакал с женой в унисон.

13

В общем, уезжали они вдвоём: отец и сын. Люся от своего не отступилась, хотя от горя с кровати три дня не вставала и три дня ничегошеньки не ела. Как на смертном одре лежала. На «прощай» мужа только глаза закрыла, и дыхание у неё обморочно пресеклось.

Эдька к ней метнулся, ноги судорожно обнял...

— Мам, мы тебя всё равно скоро заберём, — лихорадочно прошептал Эдька, как отплёвываясь от вёртких, быстрых слез.

— Хорошо, миленький... Спасибо тебе, — глухо выдавила Люся. — Я обязательно приеду... Попозже. Вот найду покупателей на наше добро и приеду.

Несмотря ни на что, Валентин Семенович по-правильному посидел с Петренко на дорожку. Хорошо, с усердием, но всё-таки так, чтобы на ногах остаться.

По закусочной части хлопотал как всегда шофёр Олександр. Приступив к торжественной части, они, независимо от национальности и государственной принадлежности, обоюдно налегали на сало с ненасытным пристрастием. А было оно всех исключительно сортов и оттенков: холодной мраморной белизны на запорожский «козацкий» вкус, и с кровянисто-сургучной любовчинкой на донской казацкий манер, потом же варёное со специями, далее — копчёное, шафранового сочного свечения. Плюс она, родимая, молоком до прозрачности слёзной старательно высушенная самогонная «душенка» на зверобое. И самостоятельная гордость всего род Белоусов — налитой, крепкий «холодец з телятини». Особый того секрет состоял в обязательности композиции из свинины, говядины, чуточка мяска дикой утки и непременно хотя бы часть головы осётра. Плюс в обязательности непременной — вызревший корень петрушек и имбирь.

Тарас Николаевич в правой руке стаканчик держал, в левой — удочку. Золотистые блескучие саночки, словно прощально демонстрируя свою удаль, азартно кидались даже на голый крючок.

В это время приехала за Корниловым из Никишино машина, тот самый знаменитый председательский армейский «бобик».

Тарасов прислал. После того как Валентин Семёнович ему позвонил с просьбой насчет помощи при переезде. Алексей Кириллович, враз забыв старые досады, тотчас проникся особенностью момента и торжественно, со слезой в голосе рыкнул:

— Русские своих в беде не бросают!

Из вещей они с Эдькой взяли только то, что на себе было надето. И ещё вручённые им обоим лично Белоусом вышиванки с красно-зелёным орнаментом по хлопчатобумажному, ярко лоснящемуся поплину цвета распущенного топлёного молока. А свою легендарную «копейку», чтобы не с пустын-

ми карманами в дорогу ехать, Корнилов накануне продал. Считай, за так. Олександру Борисовичу. А другие никто упёрто брат не хотели, хотя всегда завистливо любовались его машиной.

Кажется, он ждал, что с работы придут-таки проводить его. Но вот же, на-кося, выкуси. Никого, с кем не раз душа в душу «спивали»: «Ты казала, в понэдилок пидэм разом по барвинок, я пришов – тэбэ нэма, пидманула, пидвэла»…

Не пришли!..

«O tempora! O mores!» – криво усмехнулся Корнилов и, перед тем как забраться в родную кабину «бобика», медленно, с оттяжкой развёл широко руки… И вдруг влёт рассыпал напряжёнными ладонями короткие, резкие хлопки по плечам, ногам, по голенищам сапог, изловчившись, врезал пару раз по подошвам. С фасонистым вывертом, рывками, пошёл по двору, приплясывая, хлестко топочя каблуками, озорно локтями поигрывая.

– Их! Их! Их!!! – и враз тормознул, поклонился на все четыре стороны, крестом себя православным осеняя.

– Документы держите под рукой, – когда садились в кабину, предупредил водитель. – Будем пересекать границу. С нашей стороны – это без проблем. А ихние пограничники шмонают с пристрастием. Отымают всё подряд: сигареты, водку, колбасу… Хотел дочеке здешний торт «Киевский» взять, да толку…

Поначалу ехали молча, как покойника везли. Хотя радио у них орало. «Всё могут короли!» – азартно страдала Пугачёва на весь размах окрестных мергелевых белесых степей.

– Как там у нас в Никишино дела?.. Какие надои в колхозе? – где-то через полчаса с судорожным выдохом заговорил Корнилов.

– Каком колхозе?.. Какие надои? – сшиблено переспросил водитель. – Уже год как нет никакой вашей «Родины».

– А Тарасов там как?.. – напряженно спросил Валентин Семёнович.

– Он теперь у нас фермер, – сухо отозвался водитель. – Крутой мужик! У него земли одна тысяча семьсот гектаров! Самые урожайные чернозёмы прихватил для себя, родного… А бывший главный инженер Мишка Селиванов у него рядовым трактористом теперь работает.

– А партгрн?

– Кто это?

– Кравченко, Сергей Васильевич. Не помнишь разве? Эх, молодость…

– Кравченко, – поморщился водитель. – А, Кравченко! Однорукий? Так он повесился. Полгода назад.

– Что так?.. – тихо проговорил Валентин Семёнович, чувствуя, как у него леднеет, съеживается лицо. Ещё минута – размером с яблоко станет.

– Кто знает… Всякое говорят. Вроде, денег взял у кого-то в долг немеренно… Дело своё открыть. А сам прогорел… Другие балакают – не принял мужик наш новый олигархический строй!

Но об одном Корнилов никогда не узнает. А может быть и к лучшему? Что его любимого преподавателя Жданова прошлой весной убил неподалеку от института в парке некий юноша из успешной предпринимательской семьи. Взорвало парня, что старый «совковый» маразматик отказался поставить ему зачёт за бабки. За нормальные бабки. В общем, получил студент год колонии, потому что суд признал это убийство совершённым в состоянии аффекта. Почти благородного.

Как ни нагонял водитель страхов насчёт проверки документов и вещей на контрольном пункте, тем не менее его миновали без особых проблем. Правда, Корнилову бросилось в глаза, что если украинским пограничникам надо было произнести какое-то слово по-русски, они его как бы нарочно коверкали до неузнаваемости.

В общем, миновали-таки границу. Поняли они это, когда с хорошей бодрой дороги перекатились на провальные российские колдобины.

– Родную землю целовать будешь?! – усмехнулся водитель.

– Родную… Род-ну-ю-ю! – пропел Валентин Семёнович, каждый звук этого слова радостно-нежно перекатывая во рту, смакуя, играя с ним весело, с лёгкой, посветлевшей душой. – Жми на газ, дядя! Здравствуй, Русь-матушка!!!

В Никишино, взбежав на крыльцо родительского дома, Корнилов внятно, с торжественной отмашкой осенил себя крестом, на колени восторженно стал. Ни дать ни взять возвращение блудного сына.

Мать всхлипывала в горнице: встретить сына она уже не могла, – третий месяц как Мария Ивановна ходить перестала.

– Ты чёй-то без Люси?.. – едва проговорила она.

– Осталась добро наше продавать, – глохо сказал Валентин Семёнович и вдруг тоненько, совсем по-пацаны всхлипнул. И это так его смущило, что он с размаху треснул себя кулаком в лоб.

– Господи, помилуй, – сказала мать, и хотела перекреститься, но сил не достало.

На следующий день Корнилов поехал автобусом в райцентр в администрацию. Глава администрации встретил его, точно героя. Из-за стола шустро вышел руку пожать. Был и коньяк «Аарат», и лимон к нему, и шоколад.

– Иди заместо Тарасова председателем в «Родину», – расспросив для вежливости Валентина Семёновича о житье-бытье в Украине, взвешенно, рассудительно предложил глава. – До сих пор все мы помним твой рекордный урожай. Я про тот, когда ты до отъезда в Украину временно замещал Алексея.

– Дело случая, – вздохнул Корнилов. – А разве колхоз ёщё жив?

– Типа того, – хмыкнул хозяин района. – Как в подобном случае говорится в знаменитой сказке про Буратино? Пациент скорее жив, чем мёртв. Мы знаем тебя. Даже когда ты был в Украине, следили за твоими успехами. Но если почему-либо не хочешь в «Родину», мы тебя поставим председателем в любое хозяйство. Выбирай. Правда, их у нас из двадцати семи только три ёщё дышат. И все – на ладан...

Валентин Семёнович машинально бросил взгляд на висевший на стене портрет Ельцина с какими-то тревожными, даже испуганными глазами. И как это никто бдительно не заметил до сих пор?

– А землю дадите?.. – напрягся. – И буду я в ней потихоньку копаться себе на уме...

Глава района строго усмехнулся:

– Раньше ты с властью во всём соглашался, Семёныч... Ладно. Не хочешь идти руководителем – бери землю. Работай. Жалко, что ль? Будешь у нас передовым фермером!

– Не буду! – глохо отозвался Корнилов. – Фермером не буду. Что за дурацкое слово? Лишь бы всё под американский стандарт лепить! И когда такому только научились? У кого? Аж коробит. Откуда у нас фермеры? Большинство пашет да сеет. А животноводство лишь у каждого сотового. Поэтому я – крестьянский сын!

Так вот этот его отказ насчёт должности председателя Эдику ужасно не понравился. До глубокой обиды. Оказывается, он где-то в Инете разыскал, что первым председателем здешнего колхоза «Родина», тогда ёщё коммуны, стал в феврале 1918 года некий Корнилов Лукьян Порfirьевич, то ли их предок какой, то ли однофамилец? Точно известно, что он был слепой на один глаз после ранения в русско-японской войне, сын середняка. Кстати, второй будто бы тоже еле видел. Но идеальный был! При нём большинство никишинских крестьян уверенно считало коммуну ячейкой справедливого общественного устройства. По вечерам, натрудившись, без сил, ходили в избу-читальню, где избач читал им газеты и «Манифест коммунистической партии». На колхозных собраниях выступали страстно, откровенно; собрания всегда заканчивались пением «Интернационала». С песнями шли на работу и с работы. Правда, в тридцатые годы Лукьяна Порfirьевича по чьему-то доносу объявили кулацким подпевалой и сослали на Соловки, где он утонул, сослепу сорвавшись с берега в Белое море.

– Так что же сейчас происходит? Почему всё рушится?! Кто-то должен это остановить?! Почему не ты, батя?!! – вскричал Эдька и по отцовской привычке яростно затопал ногами, точно угли каблуками под собой гасил.

– Алчность людская, сынок, погубила колхозный строй, – опустил голову Валентин Семёнович.

– Не было никаких указаний сверху, чтобы их отменить. Не было... А были сильнейшие колхозы-миллионеры! Я знал многих руководителей – нормальные мужики. С башкой на плечах. Тот же наш Тарасов! Но кинули их. По указке из-за океана. Схема была простая... Приезжает из Москвы или Питера в колхоз весёлый бодрый дяденька с большой сумкой долларов. Само собой, ненашенского происхождения. Называются такие люди инвесторами. И – шасть к председателю: «Вот я такой щедрый – покупаю тебе лучшие трактора, эти, как их, Джон Дир, семена элитные канадские, удобрения неможные, хоть самое знаменитое американское гуано! И всё тебе, родному! А ты работай, продавай продукцию да плати мне проценты. В общем, я твое нищее хозяйство инвестирую! Спасаю Рос-

сию!» Вот тут председателя жаба и начинает давить! А как же! Ведь и ему в карман немало может перепасть от немереных денег инвесторовых!!! Забогатеет враз... В общем, заключают они договор. Но юристов нет в колхозе! Откель им там взяться? С какого переляку? А там в этом договоре мелким текстом такое прописано! Если не заплатил вовремя проценты (а они специально непомерные подставляют), – землица была твоя, стала его! В общем, баста, подписывают бумаги. Приходит осень. Собирает наш горе-председатель урожай. Огляделся – и прослезился: денег расплатиться не хватит. Он в рёв: «Господа инвесторы! Я на следующий год вам всё отдадим! За мной не заржавеет! Вот вам моё крестьянское твёрдое слово!» – «Не-е-ет, – хихикает денежный дяденька. – Шалишь, брат!» Тогда председатель бегом в арбитражный суд, аж запыхается, бедолага. Но у них, инвесторов, и там всё схвачено. По уму работают они с нами, лохами. Так что ему там судья бац – дулю под нос. Всё по закону, мол! И тот московский дяденька по полному римскому праву заглатывает через суд этот очумевший колхоз вместе с потрохами. А далее сам пашет и сеет на земле-матушке? Ничего подобного. Он навсегда исчезает... *Maurus fecit officium!*

– Мавр сделал своё дело?

– Молодец, сынок. Да, так это звучит на золотой латыни!

– А что дальше, батя?

– Дальше проще простого. Арбитражный суд в течение месяца сей колхоз ликвидирует. Бах – и нет его... Он уже перешёл на другое название, под другую юрисдикцию. В Москве где-то числится. Или Владивостоке. Таким манером, сынок, развалили полностью сельское хозяйство в России. Под руку с председательской жадностью! А ты – бороться! Это, брат, тебе не ветряные мельницы. Высокоточное неотразимое оружие у них – наша слабость к авантюрным деньгам. Только помни, Эдька, олигархами в России не становятся, ими у нас свыше назначают...

14

В общем, дали «крестьянскому сыну» Валентину Семёновичу поперву ни мало, ни много 20 никишинских гектар. Само собой, дали такие, чтобы он не взял, а коли бы взял, так чтобы завтра сам бросил в сердцах. Под озимые ему и вовсе выделили клин у чёрта на куличках. Эта землица в 12 км от Никишино, туда путь через балки да овраги, – не проберёшься даже на трофеиной «Сахаре». Однажды на этом его поле, оставшемся из-за непогоды бесхозным, волки устроились жить.

«Вот и рассуди тут, – напряженно задумался Валентин Семёнович. – Как в таких местах можно вовремя затеяться? В том году вообще залило всё. И поселял я подсолнух лишь перед Троицей. Когда у людей уже хорошие всходы стояли. Естественно, я против них на 2-3 недели, а то и на месяц съехал от нормы, а это сказывается на урожае. А как он у меня проклонулся, жара началась, жарой его бьёт... Вот и в этом году опять залило, но теперь – мои участки с пшеницей. Там, где повыше, она пойдет, устоит, где же чуток низина – ромашка одна вырастет. Рядом в Эртиле у многих фермеров тоже заболоченные земли. Да все так же вкрай и вкось. Так они что? Они вон, человек восемьдесят, уже плонули и бросили всё, ушли. Кончились их фермерство. И ничем им не поможешь. Никакой мелиорацией. Что ни делай – вода на бугор не потечёт... Но мы, Корниловы из тех людей, которые назад не сдаются ни шагу: если берёмся за дело, то не бросаем...»

Кто бросал – Валентин Семёнович старательно подбирал. Писал грамотное, обоснованное заявление – и подбирал. И так набрал он себе, наконец, 140 гектар, потом через три года ещё 60 – забрал свой колхозный земельный пай в 6,5 га, приплюсовал паи матери, тестя Фёдора Илларионовича, тёщи Ираиды Валерьевны, да ещё (это особая тема) своих младших братьев и сестёр, каковые снялись с земли, оставили навек родное Никишино. Сыну открыл собственное хозяйство. О-О-О! Пусть впрягается Эдька, пора пришла. Надо привыкать ему. Другой работы на селе не будет...

– И вот уже двадцать пять лет мы с сыном на этой земле живём-жуём, – утвердил Корнилов, когда мы с ним на днях встретились: меня из области прислали писать очерк о нём в книгу «Край родной» о достижениях воронежских фермеров. – И всегда наш урожай выше среднего идёт! Подсолнечник мне двадцать два центнера в среднем даёт, а пшеница – сорок! Ячмень тоже, наверное, центнеров двадцать семь. Гречу сеем, просо: одним словом, все культуры, кроме свёклы – слишком она трудоёмкая... С детства я с ней надорвался! А вся техника у меня класс: трактора новые, «Беларусы», комбайн «Нива» хороший, да два грузовика КАМАЗовских. Вон ещё и мой первый гусеничный, «семьдесят пятка» цел-целёхонек! Крепкий «мосол»! И прозвище у него толковое – «Почтальон».

За то, что так резво ходит по полям! С умом сделан трактор. По-настоящему. Сталинградский! Но никогда ни одного кредита я не брал. Если бы я взял хоть один кредит, я бы тут не сидел с вами. Был бы скотником у Тарасова. НЕ нравится моя позиция? А вы бы у кого другого интервью брали! У того, кто вам правды не скажет. А я говорю... Потому что мне некого бояться. Я – Корнилов...

Глядел на меня Валентин Семёнович своеобразно: с какой-то озорной хитрецой, усмешечкой вёрткой, потому что он разных всяких нас, журналистов, за свою жизнь насмотрелся и хорошо знал, что мы о нём напишем, что утаим, а, самое главное, он давно усвоил: в этом очерке его – никишинского мужика Корнилова – и близко не будет.

– Пишите, пишите. Такая у вас чудная работа, – прищурился Корнилов. – А про Люсио будете рассказывать? Я прошу – обязательно, ладно? Она иногда приезжает. Поплачет тут день-другой – и назад. В хоромы свои любимые. Продавать нажитое добро передумала... Гражданство ихнее оформила... А у меня сейчас очень хорошая женщина; я снова женился, официально. Так вот она тоже типа меня – беженка! Из Казахстана. И насчет Люси правильно всё понимает, не обидится. Ох, там, в Казахстане всё было куда жестче, чем тогда в Украине... «Орыс чушка!» Переводить не надо, правда? Так что побросали они квартиры и убежали сюда, чтобы под нож не попасть или пулю. Только из Семипалатинска уехали больше ста тысяч русских. Это называлось: вернуться на историческую Родину. Но она принимала таких переселенцев, как злая мачеха. Жильё – ваши проблемы. Работа – без прописки нельзя. Прописка – опять же ваши проблемы. Так что устраивайся, как можешь. А тут я появился у неё на пути рядышком...»

– Айда, мужики, на мой пруд?!.. – вдруг живо, мальчишески подхватился Корнилов. – Там и договорим тему?

На манер «Лох-Несского» Валентин Семёнович свой наливной двухсотметровый водоём окрестил победоносным «Чудским озером». Цапли его облюбовали в этом году, пять пар. Раньше здесь таких славных птиц не видели. Раз от раза солидно проскальзывают над головами, точно планера. Или, как теперь говорят, дроны. Полёты у них за рыбой. Наедают силу, чтобы зиму пережить: не хотят последнее время улетать в тёплые края. Как и те же грачи, скворцы, зеленушки. Или вот был уже случай, пусть ещё единичный – лебеди остались на «Чудском» наперекор российским морозам. Родину менять не желают!

– Патриотическая птица! – прищурился Валентин Семёнович, поднял руки над головой и вдруг хрюпловато, но упорно запел:

– Летят перелётные птицы в осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны, а я остаюсь с тобой.
А я остаюсь с тобою, родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна...
И прыснул озорно:

– Мужики, а причём тут Африка? Кто туда из нас рвётся или рвался?.. Эх, писаки... Или вот ещё: – Мы с железным конём все поля обойдём – соберём, и посеем, и вспашем... Так вначале вспахать надо! Куда только Иосиф Виссарионович смотрел? Каким ухом он этого Лебедева с Ку-мачем слушал?..

В это время здешние лягушки, поднатужась, коллективно перекричали его. Ими берега «Чудского озера» кишили так, что нередко горловой их клёкот на всю округу столь густым звоном стоял, что работающий трактор за пять метров не было слышно.

Пруд у Корнилова кишел рыбьей жизнью: тут тебе взблёскивают и медлительный белый амур, и суевийный карась, вальяжный карп, а также стада вечно словно бы рассерженных сазанов, – прудовая вода так вся шевелится, точно кипит. Рыбаки сюда со всех краёв воронежских заполошно спешат, навострив удочки, но для них у Корнилова одно твёрдое условие: мусор не оставлять, камыш и осоку с аиром не резать, цапель не пугать, а тем более всякую гадость в воду не бросать типа пустых бутылок. Денег за здешнюю вдохновенную рыбалку он не брал, но нарушители закона вернуться вторично не могли. Он живёт тут, и имеет право устанавливать условия. Дом у Корнилова, считай, у воды стоит. Не хуже украинского: трёхэтажная машина с пятью балконами, размером чуть меньше танцевальной площадки каждый. Хоть рояль белый или красный на них выкатывай да вальсируй за милую душу!

Эдьке ещё большие хоромы обещаны, но когда женится, когда ребятишки пойдут...

По случаю приезда корреспондента, Валентин Семёнович разрешил себе неурочный праздник. Обзвонил кого надо, и теперь ждал гостей: конечно же, Тарасова с дорогой свояченицей, тестя Федора Илларионовича с тёщей славной Ираидой Валерьевной, и сотоварищей по фермерской доле: Виктора Князева, Зелепукина Василия, Сергея Дорохина да Валю Новикова с Мурадхановым Муратом Абдуллаевичем – с супругами.

Его стол знатным яствам Петренко ни в чём не уступал. А то и фору по некоторым статьям вполне мог дать разносолам Белоуса. Скажем, памятуя, что салу и русская душа крепко радуется, оно здесь достойно присутствовало по всем разрядам, включая варёное с луковой шелухой, шпик, в виде паштета с чесноком и тмином да копчёное лимонно-золотистое с сизой дымчатой поволокой. И рыба тоже была во множественности. Разнокалиберная. Но на первом месте ароматный розово-мясый зеркальный карп с крупными серебряными чешуйками, в некоторые из которых при бритье можно уверенно смотреться. Далее – мудрые караси пресладкие в белых сметанных королевских мантиях на листах салатных уснувшие. «Мяско» царственno представляли густо соком подтекавшие кровянистым ядрёные тяжеловесные котлеты, какие хоть на совковую лопату принимай.

– А сало в шоколаде у вас имеется? – улыбнулся я.

Валентин Семёнович бодро вскинул седые раскидистые брови, точно усы у него росли на лбу:

– Чего-чего, а этого у нас нема, дорогой товарищ! На мой вкус не та консистенция у господина шоколада! Да и крепок он на зуб. Но на ваш прехитрый вопрос имеется у нас один особый ответ. Домашняя, как говорят кавээнщики, заготовка. Эдик, подавай!

И тотчас его сын вынес и торжественно водрузил на специально прибережённое место в центре длинного дощатого стола эмалированную миску средних размеров: она пузырилась сахарными зеленовато-жёлтыми дольками прозрачного мармелада с кусочками сала внутри.

– Ось це справа! – залюбовался собственным произведением Корнилов. – Моя дружина добре зробив! Кстати, в Древнем Риме сало называли «лярдо»! Музыкально звучит! Кстати, император Юстиниан даже закон такой издал: поставлять лардо в армию! Без перебоев. Чтобы его легионеры имели нужные силы для своих побед. А что, Эдька, есть настоящая победа по мнению Цицерона?

Молодой мужчина лет немногого за сорок плечистый раскидисто, с шеей типа матёрого векового пня и пронзительно голубоглазый, простодушно вздохнул:

– Величайшая победа, батя – победа над самим собой.

Корнилов густо, уважительно засмеялся.

– Какие люди были! Вот его же фраза, Цицеронова. Из моих самых любимых: «Нет места милее родного дома!»

– Дома и солома едома! – проговорил подошедший к столу Алексей Кириллович Тарасов, утяже́лённо полный, с длинными комкастыми прядями пронзительно седых, сияющих волос на фоне красного комкастого лица, – ни дать ни взять некий придворный живописец или поэт царской эпохи. – У вас на столе, смотрю, чего только нет! А ещё говорят: нищета задавила русский народ! Здравствуйте, милые карасики в сметане! Котлетам тяжелоатлетическим наш пламенный «Физкультпривет!»

– Мы пока работаем – не сгинем, – словно для меня, для прессы специально придумал умную «народную» фразу Валентин Семёнович. – Зерновые – хоть на выставку. Да и животноводство у меня сильное. Я зоотехник со стажем! На сегодня в пределах ста голов свиней, двадцать пять КРС, пятьдесят овец, шестнадцать пчелосемей – пасека для баловства небольшая. А птица, так ту никто не считал. И не сочтёт. Птицы много разного калибра. А баранинка свойская курдючная – пожалуйста, говядинка – пожалуйста, пороссятинка – то же самое. Люблю сало! Люблю мёд! Я за свою жизнь ещё не съел ни одного «гамнобюргера». И стараюсь, чтобы у моей семьи каждый день на столе была свеженькая, экологически чистая еда. Чтобы всякий бутер не покупали. Тот же хлеб – свой. Валюшечка своими руками его замешивает – чистое творчество!

Валентин Семёнович строго покосился в мою сторону: записываю я или нет?

– А ещё возим творог, сметану, молоко в райцентр – один раз в неделю. Там же – в детский сад. Как тут строго не соблюдать принцип: чтобы всё было свеженькое, натуральное. Как себе на стол, так и туда. Понимаете? В общем, живём. Наперекор разным там санкциям. С ними мы себя хозяевами на родной земле почувствовали! Упёрлись. За неё, милую, зубами держимся. А так, что главное? Работай честно и не ленись, показатели держи хорошие. Чтобы не имелось малой зацепки забрать у тебя землю. А силой никто её у меня не отберёт. Попробуй, тронь! Верно, Эдька?

– Ещё бы! Не сдюжат!!! – полыхнул улыбкой сын. – Хотел бы я поглядеть на таких смельчаков!

За столом после второй рюмки, как это часто бывает, решительно взяли верх женщины. Тон задавали Виктория и Ираида Валерьевна. Мужикам было велено вовсе исчезнуть. Ибо женщины сейчас примутся за свои бабы горькие песни, и такое сугубо сокровенное страдание никому не хотят показывать.

И пошла песня, всколыхнулась, взялась бодро, вразлёт на степном раздолье возле большой вечерней воды печально багряного цвета, точно в нём только что само Солнце «утопло», загаснув.

– Выходил на поля молодой агроном,
Говорил, что земля вся в наряде цветном.
Хороша земля – мой край дорогой,
Люблю тебя всей русской душой!..

– Земля всегда земля. Везде и всюду, – продолжал Валентин Семёнович философски исповедоваться перед моим диктофоном. – И ей без человека никак нельзя. Так что интерес к ней сохранится на долгие века. Люди не скоро научатся хлеб и скотину в пробирке выращивать.

– А что же вы на отшибе устроились, Валентин Семёнович? – решил я таки вернуть его с небес на землю. – Бобыль – не бобыль. И не однодворец. Тяжело в селе вам со всем обществом жить? С вашим достатком. Никишинцы кулаком за глаза не называют?

– Что-то не то гуторишь ты, – судорожно зевнул Корнилов. – А где мне прикажете жить, как не здесь?

– Как где? Вы же после Украины в Никишино вернулись?

– В Никишино.

– А почему теперь у пруда обитаете?

– Вон ты, что, Господи!.. – качнулся вперед-назад Валентин Семёнович. – Ну, ты даёшь! Села моего семья лет как нет! В том самом пожарном две тысячи десятом в июле отполыхало.

– Вместе с соседними Братками и Забугорьем, – встревожено встрял Эдька. – Это был наш огненный «чернобыль». Да вся Россия в две тысячи десятом горела! Разве забыли тогдашнее лето? Поначалу ведь думали – вредительство, теракты...

Корнилов резко, остро глянул мне в глаза, точно хотел с насекому определить, стою ли я дальнейшего продолжения нашего разговора.

– Мама моя того времени не пережила, – вдруг вздохнул он так, что у него что-то в груди затрепетало. – Сердце у ней отказалось. Жарынь кругом... А когда я повёз её в областной морг, там к нему очереди двухкилометровые стояли. И так всё лето. А в газетах про то писать было запрещено! Кстати, и ты, наверное, даже сейчас не напишешь?

– Кто его знает, – усмехнулся я.

– И осталось от нашего Никишино восемьдесят семь гектаров пепелища!.. – горько поморщился Валентин Семёнович. – Да по ним, как могильные памятники, вкривь и вкось стоят рядами кирпичные печки. Шеи свои длиннющие к небу осиротело вытянули. Глядеть на это без слез было невозможно.

Корнилов зубами скрипнул, будто кусок стекла во рту раскрошился.

– Но я сорок гектар никишинских у района так-таки отвоевал... Правда, дорогой ценой. Но ведь моя земля, родная! Кто ещё за нее заступится?

– Что же вы там посеяли на погорелье? Пшеницу? Свеклу? Или может быть сою?

– Ты ещё скажи – амарант розовый...

Все вокруг как-то неожиданно, напряженно замолчали.

– А поедем поглядим?.. – вдруг сдержанно, строго усмехнулся Валентин Семёнович. – Эдька, заводи «зверя»! Улыбка шесть на девять!

И торжественно добавил:

– И подай мне мою дембельскую фуражку! Парад буду принимать!

«Зверем» оказался, конечно же, уже не отцовский вермахтовский мотоцикл «Сахара», наконец ставший экспонатом райцентровского краеведческого музея, а японский квадрацикл. Техника, похожая на помесь мини-трактора с гоночным автомобилем.

Когда прыгнул квадрацикл с места, Эдька на всю громкость врубил свою любимую самоцветовскую песню «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз!!!»

Под неё и неслись они напролом, со свистом, в клочья ломая ветки и тонкие кленовые стволы. Вылетели с рёвом на бугор, и тут Эдик резким вывертом руля заставил машину подскочить над землей и стать, будто вкопанная.

Внизу холма на былом погорелье раскинулся шеренгами, точно в строю навытяжку, молодой голенастый сад. Весь в переливах вызревших, ало блестающих яблок, будто накрыл его закатный розовый туман.

— Не смог я на месте родного села какую-никакую пшеничку сеять... Или ту ж кукурузу, — строго проговорил Корнилов. — Долго маялся: так что тогда? И вдруг сад захотел! Всей душой вспыхнул... И чтобы яблоньки одним сортом были — «комсомолка»... Как дома у нас когда-то. При отце да матушке.

— А знаете, как батя поначалу назвал свой сад?! — прыснул Эдик, подмигнув мне. Выждал мгновение с приоткрытым ртом, с которого вот-вот должно было сорваться имя. — Эдем! Вроде того, райского!

— Нечего языком трепать! — нахмурился Корнилов. — Езжайте взад водку пить. А я пока здесь посижу. Солнышко садится. Пожелаю ему доброго пути.

Мы забрались на квадрацикл, лохматый от чернозёмной грязи вперемешку с ветками и травой.

— Только по-батиному не вышло. Не прижился в народе его «Эдем», — хохотнул Эдька и уже в крик объявил через дерзкий рык «зверского» мотора:

— Люди сами прозвали сад!!! Никишиным!!! По селу! И пристало! Крепче крепкого!

Я вдруг оглянулся. Будто окликнул кто-то меня. Едва через это не слетел на дорогу. Уже ноги заскользили...

Корнилов-старший стоял спиной к нам. Весь какой-то вдохновенно напряжённый, по-армейски подтянутый. Его правая ладонь в строгом соответствии с Уставом строевой службы была чётко, торжественно приложена к голове, с нацеленным сугубо на висок отвердевшим указательным пальцем. Ни дать, ни взять, «батяня-комбат» на вечерней поверке на большом плацу.

Как Эдька потом мне объяснил, это ежедневный ритуал. Валентин Семёнович в любую погоду на этом холме шепотком называет фамилии былых никишинцев. Но длится такая перекличка недолго: фамилий коренных всего ничего, — Дорохины, Корниловы, Князевы, Зелепукины, Тарасовы да Лы-мари тож, хотя эти числятся в местных с некоторой натяжкой.

Ave, Caesar, morituri te salutant...